

АНДРЕЙ ВАНДЕНКО

Брежнев гладил меня по голове

— Стульями, Михаил, бросайтесь не будите?

— А когда это, интересно, я имелся?

— Вы же рассказывали, что на

кануне премьера к вам лучше не сидеться: под горячую руку можете зашибиться чем-нибудь тяжелым.

— Ну, эмоциональные перехлесты у всех случаются. Другое дело, кто каким способом разрядки находит. Я перед премьерами порой сильно нервничал.

— О том и говорю. Спектакль «Еще раз о голом короле», который вы неважно поставили в «Современнике», дался большой кровью?

— Пожалуй, нет. Только один день выдался боевым, пришлось поорать вволю. Но, как бы там ни было, премьера позди, к чему теперь стулья ломать? Я ведь до спектакля был вынужден, а не после...

— А вы бы пытались: все делается в авральном режиме — артисты душатся текстами, монтируются декорации, дощиваются костюмами...

— Какие костюмы, если король головы?

— Все-таки узенькие трусики на нем были... Во всяком случае, я прости, чтобы были...

— А вам в жизни короли часто попадались? Хоть какие-нибудь — головы или одетые?

— Короли? Что-то не припомните...

— Правда? Почему-то погадал, что в силу, скажем так, происхождения вы регулярно сталкивались с властями пределечки.

— А-а, вы об этих... Но они совсем не короли, уверяю вас.

— А кто же?

— Люди, которые посыпали

жизнь чему-то совершенством не понимают. Серезные дядьки, без тени улыбки рассуждающие о своей ответственности за судьбы тысяч и миллионов сограждан. Разве можно к подобным речам относиться без иронии?

— Так с этими дядьками вы общались или нет?

— С этими — общался. Меня даже Леонид Ильин Брежнев гладил по голове. Я тогда был совсем маленьkim, но все запомнил. Брежневская рука показалась мне пухлой и доброй. Дело происходило в Кремле, куда родители взяли меня на правительственный прием. Когдапошел в школу, я сие, наверное, лет пять рассказывал всем, что лично знаком с генеральным секретарем ЦК КПСС...

— Однако это не спасло вас от исключения из рядов юных ленинцев.

— Да, из пионеров меня по-

перли — факт. Но тогда я был уже не ленинцем, а фашистом. Так меня называли на педсовете и, исключив из пионеров, выгнали из школы.

— А что вы учредили?

— На уроке физкультуры сдер-

нули с одноклассника трусы и за-

пихнули его голым в раздевалку к девчонкам...

— Визгу, наверное, было...

— Шум поднялся потому, когда

учителя взялись разбирать мое по-

ведение. Я не смог им объяснить,

что с моей стороны это был обыч-

ный эмоциональный жест. При-

шлось забирать документы и уход-

дит...

— Отец не наведывался в школу с целью замолить трех сына?

— По-моему, такого не случалось ни разу. Правда, однажды дед

принес...

— Борис Покровский — тоже ни

последний человек в нашей стране.

— Да, дед надел звезду Героя

Соцтруда и пошел. Его мама попро-

сила. Но это уже было, когда я

учился в другой школе.

— Значит, ваши подруги и там продолжали?

— Может, не в таком степени,

поменьше, но перехлесты имели место...

— Поди, рано узнали, тяжела

ли у отца рука?

— Ох все-таки однажды дал мне

побашку, но не дело... На Новый

год нас оставили вдвоем с дедом,

он заснул, а ко мне приехал друг,

и мы с ним выпили бутылку фран-

цузского коньяка «Курвуазье» и

полтора литра сухого вина. Кажет-

ся, тоже французского.

— Неслабо погудели, ребята?

— Ага, особенно если учесть,

что нам тогда было лет по двенад-

цать или тридцать... Естественно, в результате мы заблевали всю квартиру. Может представить картина, когда дед проснулся... На следующий день папа вернулся домой, и я понес заслуженное на-

казание.

— Наверное, отец в воспита-

тельных целях заставил вас языком

квартину вызывать?

— К папиному приезду уже

успели навести порядок, всю род-

ину ради этого мобилизовали...

— Ефремов-старший тоже был

склонен к эмоциональным перехлес-

там?

— Нет, отец обладал мощной

силой воли и не позволял себе сры-

вать на людях.

— Значит, вы не в него уда-

лись?

— Этим я пошел в маму. Она

всично очень нервничала из-за моих

выходов, а папа все держал в себе, топил в глубине.

— А фразу «Ты позоришь фами-

лию» вам в свой адрес слышать при-

ходили?

— Не припомню... Хотя — нет,

однажды все же удастся чести.

Папа купил «Мерседес» (а тогда их

в Москве вообще не видилось, мож-

ет, это был единственный) и по-

ставил под окнами. Я, восемьлет-

балбес, вышел погулять во

двор, забрался на крышу автомо-

била и принялся там прыгать с кри-

ками: «Это машин моего папы, моего папы!» Волны достигли роди-

тельских ушей, после чего последовали немедленные орг-

ыводы...

— Ай-ай-ай! И за что вас

Брежнев по головке гладил...

Кстати, о Леониде Ильине. Мы

отвлеклись от темы королей.

По-моему, ваш отец поддергивал

близкие отношения с Михаилом

Горбачевым?

— Михаил Сергеич был папи-

ным другом, но как раз он — не коро-

ль, не из их породы. Это коро-

ль, а главное — нормальный, адекватный человек. Два или три

раза он даже приходил на дни рож-

дения к отцу, терпеливо сносил

происходящие вокруг.

— А что происходило?

— Гостей же обычно собира-

лись много, и каждому хотелось по-

дойти к живому Горбачеву, задать

вопрос, подержаться с

Горбом?

— По большей части это лежит

на сестре. Я, признаюсь, не очень

люблю звонить — не хочется надое-

дать, называть...

— Отец был очень благодарен

Горбачеву, когда тот разрешил

чудовищную проблему перенасыщен-

ной труппой МХАТа.

— Однако это не спасло вас от

исключения из рядов юных ленинцев.

— Да, из пионеров меня по-

перли — факт. Но тогда я был уже

не ленинцем, а фашистом. Так

меня называли на педсовете и, ис-

ключив из пионеров, выгнали из

школы.

— А что вы учредили?

— На уроке физкультуры сдер-

нули с одноклассника трусы и за-

пихнули его голым в раздевалку

к девчонкам...

— Визгу, наверное, было...

— Шум поднялся потому, когда

учителя взялись разбирать мое по-

ведение. Я не смог им объяснить,

что с моей стороны это был обыч-

ный эмоциональный жест. При-

шлось забирать документы и уход-

дит...

— Отец не наведывался в школу с

целью замолить трех сына?

— По-моему, такого не случалось

ни разу. Правда, однажды дед

принес...

— Борис Покровский — тоже ни

последний человек в нашей стране.

— Да, дед надел звезду Героя

Соцтруда и пошел. Его мама попро-

сила. Но это уже было, когда я

учился в другой школе.

— Значит, ваши подруги и там

продолжали?

— Может, не в таком степени,

поменьше, но перехлесты имели

место...

— Поди, рано узнали, тяжела

ли у отца рука?

— Ох все-таки однажды дал мне

побашку, но не дело... На Новый

год нас оставили вдвоем с дедом,

он заснул, а ко мне приехал друг,

и мы с ним выпили бутылку фран-

цузского коньяка «Курвуазье» и

полтора литра сухого вина. Кажет-

ся, тоже французского.